

Вадим Руднев

Русские деньги

Считается что, ранний большевизм позаимствовал свою идеологию в первоначальном христианстве и что одной из ключевых черт этой идеологии был аскетизм и, в частности, безусловно отрицательное отношение к деньгам. В первоначальном христианстве не было такой институции, как церковь. Считается же, что это именно церковь строит храмы и собирает церковную подать. А Иисус ничего такого не завещал, он призывал к бескомпромиссной нищете.

Но так ли это?

Вспомним под этим углом зрения Священное Писание — и мы увидим, что это собрание историй, в которых, как ни странно, одну из главных ролей играют деньги. Притча о зарытых талантах. Хозяин там наказывает раба за то, что тот не пустил деньги в оборот. История с тридцатью сребрениками. Эпизод, который обычно называют динарий кесаря. (Мф, гл. 22, ст. 15 и далее): фарисеи, стараясь подставить Иисуса, задают ему вопрос: следует ли платить подать кесарю?

18. Но Иисус, видя лукавство их, сказал: что искушаете Меня, лицемеры? 19. Покажите Мне монету, которою платится подать. Они принесли Ему динарий. 20. И говорит им: чье это изображение и надпись? 21. Говорят Ему: кесаревы. Тогда говорит им: итак, отдайте кесарево кесарю, а Божие Богу. 22. Услышавши это, они удивились и, оставивши его, ушли.

Вместо простодушия и нонконформизма фарисеи наткнулись на тонкого дипломата.

То, что деньги — это плохо, что они постыдная вещь и о них вообще не надо говорить, их не надо зарабатывать в больших количествах и т. д., все это пошло, конечно, от большевиков. Но каковы исторические корни этого взгляда? Можно с уверенностью сказать, что это не христианство, скорее уж гностицизм или крайние, нигилистические проявления католичества — нищенствующие монашеские ордена.

Здесь уместно вспомнить, что деньги в психоаналитической традиции прочно связываются с испражнениями (известный пример Фрейда о том, что медвежатник на месте вскрытого сейфа оставляет “кучу” в качестве эквивалента украденного; так же известная латинская поговорка *non olet resipia* — деньги не пахнут — связана с тем же комплексом проблем — она приписывается римскому императору Веспасиану Флавию, введшему плату за пользование общественными сортирами). Теперь сопоставим две вещи: три стадии детской сексуальности в психоанализе (оральная, анальная и генитальная) и три общественно-экономические формации у Маркса (феодализм, капитализм и социализм (коммунизм)). Как известно, у большевиков была популярной идея перехода из феодализма в социализм, минуя капитализм, то есть минуя анальную стадию — деньги.

Извращенность сексуально-экономического воспитания при советской власти сказалась не только на перверсии капиталистического культа денег, но и на перверсии самого Эдипова комплекса.

Вечно живым Богом отцом в советском обществе был Сталин. Ленин был скорее Богом-сыном. Недаром его несостоявшаяся мученическая смерть в 1918 году занимает такое важное место в его жизнеописании.

Культ Отца Сталина и Сына Ленина в их “единосущности” (“Сталин — это Ленин сегодня”) не мог рикошетом не породить враждебности рядового советского гражданина к собственному отцу, потенциальному врагу народа. Родной отец воспринимался не как отец, а, скорее, как отчим. Вернее, можно сказать более точно: поскольку любой сексуальный дискурс был в Советском Союзе запрещен и средний советский ребенок в отличие и в противоположность западному не должен был думать ни о чем таком, то в его сознании не возникала идея сексуальной связи отца и матери, а если и возникала, то тут же отвергалась как нечто нелепое и несообразное, поэтому для советского ребенка отец

было тем же, чем для западного ребенка отчим. Для чего нужен отец, если есть Сталин? — думал советский ребенок. Действительность не давала ему никакого ответа, кроме того, что он был прав и что этот квази-отец действительно ни за чем не нужен. Что от него один вред. Ведь есть настоящий Отец — Сталин, и этого вполне достаточно для того, чтобы быть счастливым. А если так, то в лагерь ложного отца! Вот одно из объяснений того, что так легко было расправиться с отцами в 1930-е годы. Так сказать, идеологизированный вторичный Эдипов комплекс. (См. также [Бубенцова 1998])

Но оставалась мать. Ее придушили при помощи распространенного в средневековой Руси культа Богородицы. Если настоящий Отец — это Сталин, то Настоящая Мать — это Родина, та самая седая старушка, энергично переползшая из романа Горького, который, собственно, и создал всю эту парадигму (плохой квази-отец пьяница, сын-мученик, несущий новое учение большевизма народу, и Мать, ставшая после Сына и пошедшая за Сыном; в роли исполняющего обязанности Бога-Отца был сам Алексей Максимович).

Таким образом, большевики, ловко манипулируя православными ценностями, совершенно сняли у советского человека проблему Эдипового комплекса.

Кого убивать? Гения всех времен и народов? Корифея всех наук?

С кем спать? С энергичной седой старушкой? С Родиной?!

Как уже говорилось, считается, что ранне-большевистский коммунизм вырос из первоначального христианства. В этом духе высказывались Бердяев и Тойнби. Но на самом деле всего этого не было в первоначальном христианстве. Христос по-своему любил женщин, относился к ним с нежностью и терпимостью. Мария Магдалина была его другом. Когда фарисеи предложили побить блудницу камнями, Иисус, как известно, сказал: “Кто без греха, пусть первый бросит в нее камень”.

Вообще, грубо говоря, в Писании нигде не сказано, что нельзя заниматься любовью. Богу Богово, а кесарю кесарево. В сущности, Иисус был вполне умеренным проповедником. Это, так сказать, гностическо-большевистская традиция сделала из него аскета.

В сущности, советская власть стремилась, чтобы денег вообще не было или чтобы они были чисто номинально. В действительности этого почти удалось достигнуть. Советские деньги были игрушечными. Их нельзя было конвертировать. Простой обмен валюты был в советское время тяжким уголовным преступлением.

Идеал был утопический — стремились к тому, чтобы деньги исчезли вообще. К этому подталкивал и собственный опыт, который говорил, что деньги не нужны. Воспоминания о Сталине и Молотове свидетельствуют о том, что они подолгу вообще не видели денег. Это утопическая реальность. В утопии нет никаких денег. Как, например, нет, никаких денег в “Винни Пухе”. Они там совершенно не нужны. Осел собирает свой чертополох прямо у себя перед домом, так же как Поросенок — свои желуди. Мед же и сгущенное молоко для Винни Пуха поставляются из спецраспределителя Кристофера Робина.

В сущности, безденежный социалистический мир со всеми его расстрелами, тюрьмами, ГУЛАгами, презумпцией виновности и прочей репрессивной арифметикой был таким же инфантильным, как мир “Винни Пуха”. Мы так же ходили друг к другу в гости, так же застревали в норе у кролика, так же пытались похудеть, читали неразборчивые послания, открывали Северный Полюс. Славная была жизнь. И конечно же, вспоминая латинскую поговорку, — деньгами тут и не пахло.

Поэтому, вступив в капиталистическую стадию своего переносного развития, мы оказались совершенно беспомощными перед их красотой и мощью. Большие деньги мы восприняли в фольклорном духе как некое чудо. (Недаром первые архитектурные проекты домов новых русских напоминали либо кафкианские замки, либо сказочные теремки.) Как с чудом с ними и стали обращаться. Поэтому у нас так легко пошли финансовые пирамиды.

Но самой большой феноменологической ошибкой тех лет было отождествление денег с числом, с суммой. Деньги — не число и не сумма, а сложный и сугубо качественный концепт. Действительно, слово “деньги” с большим трудом сочетается с контекстом, в

3) Деньги как *форинизированный* объект, то есть объект апроприированный лицами некоренной национальности и тем самым ослабляющий экономику государства.

4) Деньги как объект анально-обсессивно-садистического *криминализирующего* перверсного влечения, то есть, иначе говоря, — где деньги, там убийство и насилие.

5) Деньги как инструмент *деменциализации* субъекта, то есть человек, у которого много денег непременно сойдет с ума, если вовремя не одумается.

Одним из парадигмальных в плане философии эксмеркантилизации художественных текстов русской литературы является трагедия Пушкина “Скупой рыцарь”. Барон — “рыцарь первоначального накопления”, но это накопление не служит никаким социальным целям. В сущности, Барон — перверт-фетишист.

Я каждый раз, когда хочу сундук
Мой отпереть, выпадаю в жар и трепет...
Какое-то неведомое чувство...
Нас уверяют медики: есть люди,
В убийстве находящие приятность.
Когда я ключ в замок влагаю то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая в жертву нож: приятно
И страшно вместе.
(Отпирает сундук.)

Вот мое блаженство! —

для которого накопление денег служит исполнению его садистических фантазий

Тут есть дублон старинный... вот он. Нынче
Вдова мне отдала его, но прежде
С тремя детьми полдня перед окном
Она стояла на коленях воя.
Шел дождь, и перестал, и вновь пошел,
Притворщица не трогалась; я мог бы
Ее прогнать, но что-то мне шептало,
Что мужнин долг она мне принесла
И не захочет завтра быть в тюрьме.

и паранояльного бреда о тотальной власти над миром

Я свистну, и ко мне послушно, робко
Вползет окровавленное злодейство,
И руку будет мне лизать и в очи
Смотреть, в них знак моей читая воли.
Мне все послушно, я же — ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою: с меня довольно
Сего сознания...

(Смотрит на свое золото.)

В фигуре Барона Пушкин воплотил свой инфантильный страх перед неизбежным наступлением капитализма. Он противопоставил Барону его сына Альбера. Этот шизонарцисс, начитавшийся Бодрийара и полагающий поэтому, что деньги представляют собой лишь средство для бесконечного избыточного потребления, но при это жестко фиксированный на эдипальной стадии и предпочитающий смерть отца эфемерной надежде получить состояние законным порядком.

Наконец в пьесе изображен также и третий, объективно говоря, наиболее адекватный тип отношения к деньгам, искаженный Пушкиным в форинизационном духе: субъектом наиболее нормального отношения к деньгам как средству обмена является “проклятый жид” Соломон, который к тому же подогревает в рыцаре Альбере его эдипальные

инстинкты, подговаривая его отравить Барона. Таким образом, в пьесе реализованы четыре элемента эксмеркантилистского комплекса — деньги как частичный фетишистский объект, антиконсюмеристский объект, форинизированный объект и криминализирующий анально-садистический объект.

Пятый элемент этой эксмеркантилистской пентады Пушкин реализовал в повести “Пиковая дама”. В этом произведении шизофреническая амбивалентность героя, заставляющая его все время вставать перед выбором, каким путем реализовать свое либидо — анально-садистическим или генитальным — толкает его сначала на путь анально-садистической акцентуации — Германн в тот момент, когда он должен выбрать, куда идти: направо к Лизе или налево к старухе, уверенно идет к старухе. Беспрецедентный субъективизм русского писателя выразился в самой постановке вопроса о том, что необходимо выбрать между деньгами и женщиной. На самом деле здесь нет никакой проблемы: надо было спокойно забрать у старухи бабки, а потом вернуться к Лизе. Непонимание этого ведет к острому психотическому состоянию, бредовым представлениям и необратимому шизофреническому дефекту. В сущности, мораль, которую предлагает здесь русский писатель, на удивление проста: захотел разбогатеть на халяву — полезай в дурчик. Это мы и называем деменционализационной компонентой эксмеркантилистской философии денег в русской литературе. Об одержимом аспекте проблемы подробно см. [Руднев 2000].

Пропуская ряд великих произведений русской литературы, ответственных за эксмеркантилистский комплекс русского сознания (их достаточно просто перечислить: “Мертвые души”, “Портрет” Гоголя, “Господин Прохарчин”, “Преступление и наказание”, “Идиот”, “Игрок”, “Подросток” Достоевского), остановимся на последнем тексте, стоящем в этом ряду — “Золотом тельце” Ильфа и Петрова. Вспоминая этот не менее хрестоматийный текст, убеждаешься, что ничего не только не изменилось за почти сто лет развития русской литературы, но даже то, что было, чрезвычайно заострилось и карикатуризировалось (в соответствии в парадигмой Галковского). Современный Плюшкин-Прохарчин миллионер Корейко живет на крохотную зарплату, исключив заработанные криминальным бизнесом деньги из оборота и фетишистски наслаждаясь время от времени лицемерием своих денег в привокзальном сортире, как бы оживляя психоаналитическое понимание денег как части анально-одержимого комплекса, в напрасном ожидании вторжения интервентов и реставрации монархии. Современный Чичиков Бендер не может реализовать отнятые у Корейко деньги, включить их в товарно-обменные отношения, потому что таковых уже практически не существует — писатели постарались на славу. В результате Бендер пытается бежать за границу, его хватают румынские пограничники и ему чудом удается избежать участи Германна — подобно Германну Бендер отдал в жертву деньгам любовь к Зосе Синицкой, хотя опять-таки на самом деле одно другому вовсе не мешает (интертекстуальный вариант окончания романа: “Бендер сошел с ума. Он сидит в Обуховской больнице в 17-м номере, не отвечает ни на какие вопросы и бормочет необыкновенно скоро: “ Зося, Корейко, миллион!”). Таким образом, и здесь налицо весь русский эксмеркантилистский комплекс.

Теперь вернемся к нашему первоисточнику и посмотрим, как с деньгами управлялись в старые добрые времена. Цитата будет длинной, но поучительной:

...человек, <...> отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им имение свое: и одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе; и тотчас отправился. Получивший пять талантов пошел, *употребил их в дело* (здесь и далее курсив мой. — В. Р.) и приобрел другие пять талантов; точно так же и получивший два таланта приобрел другие два; получивший же один талант пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего. По долгом времени, приходит господин рабов тех и требует у них отчета. И, подойдя, получивший пять талантов принес другие пять талантов и говорит: господин! пять талантов ты дал мне; вот, другие пять талантов я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над

многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошел также и получивший два таланта и сказал: господин! два таланта ты дал мне; вот, другие два таланта я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошел и получивший один талант и сказал: господин! я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал, и, убоившись, пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое. Господин же его сказал ему в ответ: лукавый раб и ленивый! ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал; посему *надлежало тебе отдать серебро мое торгующим*, и я, придя, получил бы мое с прибылью; итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дается и преумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет; а негодного раба выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов... (Матфей, 25, 14-30).

Повторяя уже сказанное, советский народ был почти лишен властью анальной фазы развития и практически полностью — эдиповой фазы. Это было насильственным отлучением от обучения основам власти и в частности власти денег. Практически лишенный капиталистической агрессивности анальной фазы и наделенный лишь атрофированной инкубаторской сексуальностью, советский народ вступил в денежную эпоху совершенно незрелым, с несформировавшимися, невыстроенными символическими отношениями, “лицом к лицу с реальным” [Lacan 1991]. Представьте себе ребенка, отнятого от материнской груди и помещенного в некую асоциальную искусственную среду. После того, как он вырос биологически, его вдруг вынимают из этой среды и помещают в обычный социум. Ясно, что у такого индивида шансы выжить гораздо меньше, чем у нормального ребенка, прошедшего анальную фазу, Эдипов комплекс, выстроившего и сформировавшего символические отношения с реальностью. Современная Россия, конечно, напоминает первого ребенка.

Литература

Бубенцова К. Приключения мистера Эдипа в стране большевиков // На посту, 2, 1998.

Галковский Д. Е. Бесконечный тупик. М., 1997.

Руднев В. Обсессивный дискурс // Логос, 3 (24), 2000.

Lacan J. Le seminaire de Jaques Lacan. Livre VIII. Le Transfert. 1960-1961. Paris, 1991.

Simmel G. The Philosophy of money. L., 1971.